

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вы, наверно, сыты по горло. Они же не уймутся, так и будут приходить?
Том О'Коннор, сосед, стоявший у своего заборчика, смотрел на нее в ожидании ответа.
— Я знаю, — сказала она.

— А вы не открывайте. Я бы так и сделал.

Нора притворила калитку.

— Они хотят как лучше. Они не со зла.

— Вечер за вечером, — сказал он. — Не пойму, как вы терпите.

Она прикинула, удастся ли войти в дом, не ответив. Он взял необычный тон, которым раньше не разговаривал. Как будто имел над ней некую власть.

— Люди не со зла, — повторила она, и вдруг ей сделалось так горько от этих слов, что она закусила губу, сдерживая слезы. Но, перехватив взгляд Тома О'Коннора, решила, что лучше уж выглядеть сломленной, побежденной. И скрылась в доме.

Этим вечером в дверь постучали, когда было без малого восемь. В дальней комнате горел камин и мальчики делали за столом уроки.

— Открой, — бросил Конор брату.

— Сам открой, — ответил Донал.

— Сейчас же пойдите и откройте, любой из вас, — велела Нора.

В коридор пошел Конор, младший. Он отворил, и она услышала женский голос, незнакомый. Конор провел гостью в гостиную.

— Это маленькая тетя с Корт-стрит, — прошептал он, вернувшись в дальнюю комнату.

— Что за маленькая тетя?

— Не знаю.

Мэй Лейси скорбно покачала головой, когда Нора вошла в гостиную.

— Нора, я не решалась прийти. Так жалко Мориса, что слов не сыскать. — Она шагнула вперед и взяла Нору за руку. — И такой молодой! Я помню его малышом. Да вся Фрайери-стрит помнит.

— Снимайте пальто и пройдемте в заднюю комнату, — сказала Нора. — Мальчики делают уроки, но они могут перейти сюда и включить обогреватель. Им все равно скоро спать.

В дальней комнате Мэй Лейси, из-под шляпки которой выбивались пряди седых волос, уселась, не снимая шарфа, напротив Нору и завела речь. Чуть погодя мальчики отправились наверх; Конор, когда Нора позвала его, застеснялся и не спустился пожелать ей спокойной ночи, но Донал пришел, подсел к ним и стал осторожно, молча рассматривать Мэй Лейси.

Было ясно, что больше никто не пожалует. Нора испытала облегчение: не придется развлекать людей, которые плохо знают друг дружку, а то и недолюбливают.

— Короче говоря, — журчала Мэй Лейси, — Тони лежал в больнице в Бруклине, и не успел тот человек очутиться на соседней койке, как они разговорились,

Тони сразу признал ирландца и сообщил, что жена его родом из графства Уэксфорд.

Она умолкла и поджала губы, словно что-то припоминая. Затем заговорила как бы мужским голосом:

— О, так и ведь я оттуда, сказал сосед, а Тони уточнил, что она из Эннискорти*. Надо же, и я тамошний, ответил тот. И спросил у Тони, где она в Эннискорти жила, а Тони сказал, что на Фрайери-стрит.

Мэй Лейси не сводила с Норы глаз, призывая проявить интерес и удивление.

— А сосед и говорит: так ведь и я там жил! Поразительно, правда?

Она помолчала, ожидая ответа.

— И он сказал Тони, что перед отъездом из города изготовил ту железяку — как ее? — решетку или оградку на подоконнике Герри Грейна. Я пошла взглянуть — так и есть. Герри понятия не имеет, когда и откуда она взялась. Но сосед Тони, там, в бруклинской больнице, сказал, что он-то ее и сделал, потому что сварщик. Правда, совпадение удивительное? Подумать только — в Бруклине!

Донал отправился спать, и Нора приготовила чай. Она принесла его в заднюю комнату на подносе заодно с печеньем и кексом. Когда разобрались с чашками-блюдцами, Мэй Лейси отпила чаю и возобновила свой монолог:

— Конечно, все мои были без ума от Мориса. Постоянно спрашивали о нем в письмах. Джек с ним

* Небольшой город в Ирландии, находится в графстве Уэксфорд (провинция Ленстер), родной город Колма Тойбина, в котором и развивается действие многих его книг. — *Здесь и далее примеч. перев.*

дружил, пока не уехал. И у Мориса был, разумеется, редкий педагогический дар. Мальчики ему в рот смотрели. Я только это и слышала.

Глядя на огонь, Нора попыталась вспомнить, бывала ли вообще в этом доме Мэй Лейси. Вроде бы нет. Она знала ее всю жизнь, как и многих в городе; они здоровались, обменивались любезностями и останавливались поболтать, когда находились новости. Ей была известна вся биография Мэй — от девичьей фамилии до участка на кладбище, где ее похоронят. Однажды Нора слышала ее пение на концерте, в память врезалось блеющее сопрано — Мэй пела то ли “Дом, милый дом”, то ли “Свет дней былых”.

Она сомневалась, что Мэй Лейси навевалась куда-либо, помимо магазинов да воскресной мессы.

Воцарилось молчание, и Нора подумала, что Мэй, наверно, скоро уйдет.

— Я рада, что вы меня навестили, — сказала она.

— Ох, Нора, я глубоко вам сочувствовала, но мне показалось, что лучше поначалу не докучать и немного выждать.

Она отказалась от чая, когда Нора предложила еще, и та, унося на кухню поднос, подумала, что теперь-то Мэй встанет и наденет пальто, но гостя продолжала сидеть. Нора поднялась на второй этаж и проверила, спят ли мальчики. Она улыбнулась, представив, как тоже ложится, засыпает, а Мэй Лейси томится внизу, в напрасном ожидании глаза на огонь.

— А где ваши девочки? — спросила Мэй, как только Нора села. — Их больше не видно, а раньше постоянно ходили мимо.

— Айна в школе, в Банклоди*. Обживает там, — ответила Нора. — А Фиона учится в Дублине на преподавателя.

— Когда они уезжают, становится тоскливо, — сказала Мэй Лейси. — Я скучаю по всем — говорю как есть, — но забавно, что больше думаю об Эйлиш, хотя мне и Джека не хватает. Не знаю, в чем было дело, но мне просто не хотелось Эйлиш терять. Вы-то меня поймете, Нора. После смерти Роуз я думала, что она вернется, останется, найдет здесь какую-нибудь работу, а когда Эйлиш наконец-то приехала, хотя и всего-то на пару недель, я заметила, что она все молчит, ходит сама не своя, и однажды взяла и расплакалась прямо во время обеда, тут-то я и узнала, что кавалер из Нью-Йорка не отпускал ее домой, пока она не выйдет за него замуж. И она вышла, а нам ни словечка. “Коли так, то ничего не поделаешь, Эйлиш, — сказала я. — Придется тебе вернуться к нему”. И дальше я уже не могла ни видеть ее, ни разговаривать с ней, а она прислала фотографии, где она с ним в Нью-Йорке, но я не смогла смотреть. Мне хотелось этого меньше всего на свете. Хотя я до сих пор жалею, что она не осталась.

— Да, я тоже расстроилась, когда узнала, что она уехала обратно, но, может, там ее счастье, — сказала Нора и тут же испугалась при виде печальной гримаски на лице Мэй Лейси, что брякнула лишнее.

Мэй Лейси принялась рыться в сумочке. Нашла очки и надела.

— Мне казалось, я захватила письмо Джека, но, похоже, нет. — Она изучила один листок, другой. —

* Небольшой городок на юго-востоке Ирландии.

Нет, не взяла. Собиралась вам показать. Он хотел вас кое о чем спросить.

Нора молчала. Она не видела Джека Лейси больше двадцати лет.

— Если найду письмо, то передам вам, — сказала Мэй.

Она поднялась, собираясь наконец уйти.

— Теперь уж он вряд ли вернется домой, — проговорила она, надев пальто. — Что ему тут делать? У них в Бирмингеме своя жизнь, и они меня звали, но я сказала Джеку, что как-нибудь упокоюсь с миром, не выдав Англии. Впрочем, сдается мне, что он будет рад обзавестись здесь гнездышком и навещать деток Эйлиш или еще кого.

— Ну так у него же есть вы, чтобы навещать, — сказала Нора.

— Он решил, что вы продадите Куш. — Мэй поправила шарф. Она обронила это небрежно, но взгляд ее, устремленный на Нору, был строг и сосредоточен, а подбородок чуточку подрагивал. — Он спросил у меня, продаете ли, — сказала Мэй и поджала губы.

— Я еще не строила никаких планов, — ответила Нора.

Мэй не сдвинулась с места.

— Жаль, что письмо не при мне, — посетовала она. — Джек всегда любил Куш и Балликоннигар*. Бывал там с Морисом и другими мальчиками, до сих пор помнит. И там мало что изменилось, и знают его там все. А здесь он в свой последний приезд не знал половину горожан.

* Населенный пункт в графстве Уэстфорд.